

*Гюльрена Мирза
доктор философии по искусствоведению, доцент
Gulrenamirze1956@gmail.com
(Азербайджан)*

МИР ИСЛАМА В ИСКУССТВЕ РАСИМА БАБАЕВА

Расим Бабаев, пожалуй, один из немногих современных азербайджанских художников, творчество которых сформировано и максимально пропитано мусульманским содержанием. И что интересно -жизненный путь Расима-художника и идейный путь Расима-мусульманина совпадают по всем параметрам. Его искания смысла жизни, происходившие в системе религиозных ценностей ислама, ввели за собой его творческие поиски. И особенно глубоко это происходило в последние 30 лет его жизни. Ведь все сущностные изменения, которые происходят в человеке в период прохождения его по пути веры, приводит к развитию его идей, а развитие идей художника всегда проявляется в развитии его художественной деятельности.

Творчество Расима Бабаева абсолютно связано с исканиями философского космогонического характера, оно первично, как все настоящее, и сильно, как всякая первооснова. На мой взгляд, его имя – одно из первых в ряде имен, олицетворяющих азербайджанское искусство XX века.

Достаточно привести названия некоторых работ, чтобы окунуться в пространство его живописной Вселенной: «Поющий ангел», «Плачущий ангел», «Борьба», «Одиночество», «Тюркские письма», «Горе», «Див в аду», «Святое место» [1].

В его картинах есть какая-то зовущая, притягивающая цветовая мистика, их живописная плотность, насыщенная густой сочной фактурой красок, наполнена верой, словно выражает таинственную невидимую человеку, но единственно реальную жизнь, в которой сосуществуют ангелы и дьяволы, монстры и апостолы.

Всевидящими глазами большого художника он исследует внутреннюю суть явлений жизни, выявляет и пишет архетипы – суть образы и символические психические структуры, проявляющиеся в фантазиях и снах людей, но особенно в художественном творчестве.

Как-то в интервью своему другу Г.Анисимову он сказал: «...для меня нравственность и живопись – понятия одного ряда. Художник, если он человек с высоким понятием о совестливости, и в живописи остается таким же...» [2]. «У человека есть высокое духовное предназначение. Сказать об этом средствами искусства, по-моему, задача достойная, благородная для художника» [4].

Пластические размышления Бабаева о суфийском отношении к жизни, о ценностях ислама несли людям новые, но давно желанные ощущения радости, оптимистического взгляда на жизнь, несмотря на её трагические стороны.

Как в мир реальной сказки мы погружаемся в охристо-голубое мягко обволакивающее тонким и теплым звуком свирели пространство холстов «Ветеран войны» (1974), «Весна» (1975), «Сон» (1976), «Берег» (1966), «Воспоминание о весне» (1975), «Фисташковое дерево» (1970), «Стадо» (1973). Здесь полное единение человека и мира, умиротворение и счастье, присущее мусульманской живописи и поэзии. Художник будто объясняет нам древнюю восточную мудрость: «Будь один, но будь со всеми».

Идейные ценности ислама привлекали многих азербайджанских художников, но Расим Бабаев шел по пути Ислама как истинный труженик. Он много времени проводил за чтением книг, искренне и истово пропуская через душу эти тексты. Он много лет размышлял над базовыми понятиями Ислама, такими как Таухид, Сабр, Нафс, Шейтан и помогала ему в этом беззаветная вера в Аллаха. И все эти ступени прохождения суфийского пути отражались в его картинах. Неспроста он обратился к каллиграфии – но и она была написана им предельно живописно!

В творчестве Расим-бека происходит эволюция образа Дива – от раннего, иллюстративного, «джыртдановского» к образам живописи 1980-х – 90-х годов.

Психологизм его в том, что он писал дивов, чтобы понять, каково быть дивом, он вживался в inferнальное, тут сложнейшая психическая работа: это как актёр, играющий образ, вживается в персонаж.

Темная сторона подсознания, архетип тени, по Юнгу, является частью Личности. И Бабаев рисует дивов, чтобы понять себя, понять свою темную сторону, а поняв – победить. Это та самая война с собой, вернее, её наивысшее проявление – в самовыражении, в творчестве.

Ведь неспроста все миры Расима населены дивами – они тоже разные, как люди, с разными характерами и свойствами: улыбочивые, веселые, с чувством юмора, страшные, жуткие, удивленные, ироничные, пьющие чай, курящие кальян или вожаденно смотрящие на женские прелести – все они победимы. Как в азербайджанской сказке «Джыртдан», где Мальчик-с-Пальчик перехитрил Дива-Монстра, спас своих братьев и Добро восторжествовало. Так вот художник – исследователь Расим Бабаев пишет дивов не как врага, а как часть нашего сознания, он как врач, ищущий формулу вакцины и пробуящий её на себе – он старается через живопись понять себя и жизнь, понять, что такое быть Дивом, Ангелом и Человеком.

Мифологические образы волнуют художников, поэтов, музыкантов и многих ищущих ответы на экзистенциальные вопросы издавна. Архетипические мотивы Лабиринта, нити Ариадны, образы героя Тесея и Минотавра вдохновляли великих людей, в том числе и Расима Бабаева, просто у него образ Минотавра, так волновавший Пикассо и вылившийся в прекраснейшие и многочисленные рисунки серии «Минотавромахия» и «Тавромахия», трансформировался в более древний образ Дива из иранской, тюркской и индийской мифологии, прообраз сияющего Люцифера, архетип Злого Умысла, Ахримана.

Бабаев пошёл дальше Пикассо в идентификации тёмной стороны: если у Пикассо бык или минотавр рядом с девушкой – олицетворение страшной звериной силы, войны, агрессивной сексуальной энергии, то у Бабаева див – это теневая сторона эго, одна из наших субличностей, олицетворение мусульманского нафса, то есть Бабаев продвигается в исследованиях ближе к человеку, внутрь психики, ищет дива внутри себя – распознать, чтобы приручить.

Поразительные чувства овладевают находящимися в мастерской у художника. Его студия была непохожа на другие: очень уж много в ней было (и сейчас есть!) энергии, много, очень много картин, которые он одну за другой выдвигал и ставил веером, и ты оказывался в эпицентре творения, настоящей сказочной жизни, которая сотрясала тебя, проникала вглубь, в живое, в душу, и ты сам уже становился то лошастью, то дивом, то Адамом и Евой сразу, ты становился жителем Страны Расима Бабаева.

Перед входом к себе в мастерскую художник расписал всю стену вокруг двери своим изображением – это не автопортрет в известном смысле, а, скорее, манифестация души, «я – как другой». Он себя изображает

чуть отстранённо, он просто один из жителей страны Расима Бабаева, и рядом с ним на равных, на общих основаниях живут стихи любимых им суфийских поэтов, птицы, дивы, девы и очень возбужденное витальное пространство Красоты, энергии, чувства, цвета. Это и есть Живопись.

Однако более общие и философские проблемы решает художник в серии картин, посвященных вечным библейским и кораническим сюжетам – «Адам и Ева». Эта излюбленная в веках тема поднимается азербайджанским художником на исходную, первобытную, изначальную высоту. Формообразовательные эксперименты мастера здесь находят новое эстетическое воплощение, ведь работа авангардного художника, ищущего новые средства выразительности, суть пластические эксперименты с формой и цветом. XX век покончил с реализмом в академическом смысле, реализм здесь сущностный, формообразовательный, мифический, выражающий идею вещей. Предмет здесь не таков, каким видит его человек, а таков, каковым он является по сути.

Большой художник, исследуя интересующее его явление, смотрит всегда в корень, видит все взаимосвязи, приподнимает это явление, ставит проблему, исследует её философское значение – это мы видим в картинах «Беженцы» и «Беженцы у себя дома». Это не просто беженцы с родных карабахских земель, это метафора гуманитарной катастрофы. Фантастическая форма, воплощённая здесь художником, некие многоглазые, многоногие коконы символизируют бег, движение, это аллегория бегущего человека без корня, без дома и родины, это метафора антигуманного отношения общества к человеку ниоткуда. И потому удивительно и прекрасно, что Расим Бабаев в холстах, посвящённых беженцам, показывает нам, несмотря ни на что, образы совершенные, гармоничные и прекрасные, здесь нежнейшая палитра и изысканная, охраняющая, любовная форма, это квинтэссенция веры в конечное Добро, в Аллаха. Наперекор всем пропастям. И так будет.

В холстах Расима Бабаева – краски нашей южной земли, замешанные на этнических кодах, живущих в коврах, мугамах, миниатюрах, суфийской философии и поэзии, в изысканной и мощной пластике каллиграфических письмен.

Кажется, Ницше писал, что войти в последнюю комнату можно двумя путями: свободно и несвободно. Есть люди, которые об этом даже и не задумываются: они не знают о свободе. У Расима Бабаева этот во-

прос был насущный, он знал, что быть свободным необходимо, но живя в обществе, свобода эта даётся огромным трудом: легко быть свободным в келье отшельника, но безмерно трудно в людском иерархическом обществе, где есть один путь к свободе – путь совести, чести и поиска истины. Для него этот путь был путем именно Ислама. Он не терпел никоим образом фальши, тщеславия, нескромности, неестественности, наигранности, нечестности, лести, пустых и праздных слов. Честность для него была единственно необходимой, жизненно важной средой обитания. Ментальное пространство художника было кристально чистым, светлым, живым и здоровым, ровно как его картины. А эта чистота всегда является результатом огромного труда, работы с подсознанием, войны, которую человек объявляет темной стороне своей души. Ведь как сказал наш пророк Магомет, самый главный джихад – это джихад с самим собой. О Расим-беке нельзя писать в ином стиле, ему подходят только самые высокие слова, и они не кажутся высокопарными и выспренними, потому что сфера обитания его духа – самая высокая. Это можно почувствовать из его картин, это чувствовалось при общении – наиценнейшая смесь духовного аристократизма с глубокой простотой и демократичностью. Он мог бы сказать о себе словами Эдгара Дега: «Я хотел бы быть знаменитым, но неизвестным». Ему нравились различные личности: Борхес и Шамиль, Пикассо и Матисс, ибн-Туфейль и Физули. Эти стихи Вазеха он любил цитировать:

«Одни из нас твердят, что бытие нетленно,
Другие говорят, что все земное бrenно,
А ты выслушивай все это неизменно
И знай, что каждый прав, но прав не совершенно»

После 1988 года, когда появляется на свет первая внучка Ширин, палитра его полотен светлеет, происходит очищение от темных сил, а через полтора года, во время операции с наркозом, в подсознание к нему приходят посланцы Света и появляется серия картин «Ангелы».

Ещё 17 лет после благовестия он будет жить и радоваться, увидит внуков и будет писать наполненные чудесами картины.

В 2001 году он посетит с выставкой Китай, и это оставит в его душе радостный след, он там почувствует связь с общей, древней культурой

Евразии, и это его вернёт на круги своя - он снова будет заниматься черно-белой графикой, рисунком, но на этот раз на изумительной японской рисовой бумаге. Он пройдёт все круги жизни и творчества. Это и есть наивысшая цельность художественной, творческой жизни. И если в ранних черно-белых линогравюрах (сам материал располагает к этому) есть скрытая борьба и тяжесть Земли, то к концу жизни в черно-белых японских бумагах есть лёгкость, юмор и приятие жизни. Автопортреты здесь жизнерадостные, рисунок изысканный, сильный, блестящий, сама рисовая бумага дышит чистотой и свежестью чувств. К концу жизни палитра стала молодой, ведающей не умом, а духом. Росписи на стенах его дачного дома, изразцы, которыми увлекался в последнее время, камни, из которых высекал лица, верблюды, которых обожал с тех пор, как изобразил паломничество своей матери в 12-летнем возрасте в Мекку, и продолжал изображать всегда как метафору Пути – всё это неповторимый и единственный в своём роде азербайджанский художник Расим Бабаев.

Он был человек очень эрудированный, многознающий, рефлексирующий, и к тому же духовный, ищущий и исследующий свой путь, задающий себе экзистенциальные вопросы и ищущий ответы в самых тяжелых и болезненных слоях психики. Но главным орудием в его поисках всегда была Совесть, а пространством – Свобода. Недаром вся его внутренняя духовная работа над собой делала его внешность все более светлой, глаза – сияющими, а палитру – звенящей. Он был очень красив и гармоничен, особенно к концу жизни: стал похож на суфийского дервиша или тибетского монаха, многознающего и проводящего дни свои в трудах и молениях. Это тот редкий случай, когда старость не ослабляет и ухудшает, как обычно, а обнажает красоту души, очищает и освещает облик духовным сиянием.

Когда я в начале 2000-х писала о его творчестве, я заметила, что в «последнее время мастер почти не рисует дивов – он пишет ангелов. Палитра его посветлела. И если творчество художника в идеале – путь духовного совершенствования, то Расим Бабаев, по видимому, берет сейчас ещё более высокую, исламскую, планку» [6].

23 апреля 2008 года Расим Бабаев взял новую высоту – взлетел вслед своим ангелам. Пусть полет его будет красивым...

Ключевые слова: Ислам, Расим Бабаев, живопись, суфизм, психология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Р.Бабаев. Каталог выставки. Баку, 1976
2. Р.Бабаев. Земля Абшерона. Журнал «Творчество» Москва, №6, 1978
3. Р.Бабаев. Размышления. Альбом. Вст.статья С.Бестужевой. Москва, «Сов.художник». 1979
4. Г.Анисимов. Художественный мир Расима Бабаева. Журнал «Искусство». Москва, №8/1988
5. Jean Patterson. Challenging the Monsters //Azerbaijan International // 9.3. Autumn.2001
6. Gülrəna Qacar. Rasim Babayev. Bakı, Sərvət, 2013. 104 s.
7. Rasim Babayev. Rəngkarlıq. Bakı, 2005

Gülrəna Mirzə (Azərbaycan)

Rasim Babayev sənətində islam dünyası

Çıxışda İslam mədəniyyəti və İslam dəyərləri kontekstində Rasim Babayevin yaradıcılığı araşdırılır. Şəkillərdə təzahürünü tapan sufilik psixologiyası sahəsində rəssamın mənəvi axtarışları təhlil edilir.

Açar sözlər: İslam, Rasim Babayev, rəngkarlıq, sufizm, psixologiya.

GulrenaMirza (Azerbaijan)

Islamic world in creativity of Rasim Babayev

The paper reviews creativity of RasimBabayev in the context of islamic culture and islamic values. Mental searchers of the painter in the field of Sufi psychology revealing in his creativity are studied as well.

Key words: Islam, RasimBabayev, painting, sufism, psychology.